

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №18
31.08.2023 г.

Татьяна
РАМИНА

* * *

Люблю здесь каждый уголок,
Он дорог мне до боли...
Начало здесь, здесь мой исток
И с этим не поспоришь.
Мой Новозыбков, город Н.
Я по тебе скучаю.
Тебе желаю перемен
Лишь к лучшему. Причалом
Будь для меня всегда, родной.
Ты лучший город мира!
Такой уютный и покой
Царит в твоих квартирах.
Как дышится с тобой легко,
И взор мой очень светел.
Как жаль, что ты так далеко,
Но ближе всех на свете!!!

Иван
БИСЕВ

* * *

Сад умывался утренним
дождем,
Смывая прах испекшегося лета,
Исполнив долг священного
обета
От тяжести плодов освобожден.
Он рвется ввысь, но птицей не
взлететь.
Здесь под напором ветра и воды
Ему назначено нести свои
плоды.
Рожденный здесь, здесь должен
умереть.
Все на земле Господь нам
покорил.
Над собственной судьбой нам
не дав воли,
И время и труды определил.
И чтобы равными казались доли
Нас разумом Всевышний
одарил,
За все, другим доставшиеся
роли.

Страницу подготовил
Константин Попов

Надежда КОЖЕВНИКОВА

КАК АНЕЧКА РУСАЛКОЙ СТАТЬ ХОТЕЛА

– Ладно, ладно, бабулечка, вот проснёшься ты утром, скажешь: — «А где это моя внучка Анечка?» А меня уже нет! А я уже в русалках! Вот пожалеешь тогда, обо всём пожалеешь, и что наказывала, и что в угол ставила, — чуть слышно шептала девочка, направляясь огородами к калитке. Ночью ходить между грядами по узким дорожкам не так-то просто, но, когда шероховато-колючий лист вцепился ей в ногу, девочка не испугалась.

– Отпусти сейчас же! Не смей меня удерживать, — сердитым голосом обратилась она к белёющей неподалёку тыкке. — Я иду в Лукоморье и назад не вернусь. — Отклонив трубчатый колючий черенок в сторону, она решительно двинулась дальше.

Стихи про Лукоморье Ане читала мама, и картинку, где нарисован дуб с русалкой, а под ним кот на цепи, они тоже вместе рассматривали. Мама тогда ещё сказала, что похожий дуб есть и здесь, в деревне, у дальнего озера. Аня же специально уточнила, могут ли под деревенскими дубами происходить чудеса? Мама ответила, что, скорее всего, могут. А так как все чудеса случаются ночью, девочка дождалась, когда бабушка уснёт, и отправилась к дубу. Миновав овощные грядки, она открыла калитку и бесстрашно шагнула в темноту. Хотя темнота пока что была условная, потому что дорога, пролегающая прямо у бабушкиного дома, освещалась фонарями. Когда же самый последний из них остался позади, девочка вдруг споткнулась и упала. Она пошарила рукой под ногами и, ничего не обнаружив, возмутилась:

– Дорога! Ты почему так себя ведёшь? Специально что ли под ногами выгибаешься? Это чтобы я домой вернулась? И не думай, и не надейся. Сказала — стану русалкой, значит — стану!

Она живо представила, как сидит на ветвях, на самой верхотуре, хвостом русалочьим туда-сюда помахивает, глазами изумрудными поблёскивает, волосы длиннющие гребнем расчёсывает. А у дуба, стоят мама, бабушка и папа... нет, папы не надо... у него ремень... хоть и не вытаскивал он его из брюк ни разу, но лучше не надо... и ма-

мы тоже, пожалуй, не надо — она очень долго сердится... Пусть так: под дубом стоит бабушка и упрощает её спуститься и позавтракать.

А-а-а бабулечка, теперь завтрак зовёшь! А зачем в угол ставила? Ругала зачем? Ведь сама же говорила, что дети не могут всё время сидеть тихо — им надо действовать: творить, вытворять... да и ничего такого уж особого она, Аня, не вытворила... просто хотела написать на спинках у поросят номера, чтобы точно знать, кто из них Наф-Наф, кто Ниф-Ниф, кто Нуф-Нуф, а бутылочка с зелёной вырвалась из рук и все поросятки стали маскировочного цвета, прямо как десантники в кино... Ну и ничего страшного, мама-свинка всё равно их признала... А ты меня сразу в угол... Так что никакого завтрака мне теперь не нужно, я теперь уже в русалках.

– Ой! Опять ты что ли безобразничаешь? — девочка снова оступилась. — Вот сейчас вернусь домой, возьму лопату и перекопаю тебя всю вдоль и поперёк. Что, страшно? Молчишь? Ну, да! Ты же дорога, ты же не живая. И разговаривать ты не умеешь, нет у тебя ни ротика, ни глазок...

– Ой! Ой! — Аня шустренько отскочила в сторону, поближе к кустам. Похоже, страшно было не дороге, а ей, потому что впереди, в непроглядной темноте загорелись два желтых глаза. Аня была умной девочкой и быстро поняла, что глаза находятся у самой земли, значит, принадлежат маленькому животному. А может, это кот учёный оставил свою надоевшую цепь да и пошёл странствовать по белу свету. А что? Он же не собака, что бы ходить только по цепи кругом. Девочка приободрилась и даже позвала тихонько: «Кис, кис». Ей даже показалось, что кот отозвался, но потом вдруг зашипел и прыгнул в кусты, на обочину. Испугался? Кого? Девочка замерла, и вдруг неподалёку ей послышалось чьё-то напряженное дыхание и тяжёлые размеренные шаги.

«Туп, туп. Туп», — из непроглядной темноты ей навстречу двигалось что-то огромное. А вдруг это леший? Аня тогда совсем забыла расспросить маму, зачем он у Лукоморья бродит, добрый он или злой, и теперь ей стало страшно,

захотелось закричать и броситься назад, к спасительному свету последнего фонаря. Девочка оглянулась, оказывается, и ушла-то она совсем недалеко. Но от страха ни кричать, ни бежать она не могла. Могла только молча наблюдать, как из рассеивающейся тьмы вырисовывается удлинённая морда с изогнутыми острыми рогами и белое, с черными пятнами тело.

«Му-у», — сказала морда, и девочка поняла, что это Марфа, соседская корова, которую соседка, тетя Лида, сегодня искала до самого позднего вечера.

– Марфушенька-душенька, где ж тебя носило? — прямо как бабушка спросила она и смело пошла к корове. Та ничего не ответила, видно, разговоры с соседскими девочками сегодня в её планы не входили, наверное, она уже поняла, что сильно припозднилась и теперь торопилась домой. Все страхи оставили Аню сразу же, как только она оказалась рядом с животным. Ей даже захотелось погладить корову, но та шла, не останавливаясь, и могла нечаянно наступить ей на ногу.

– Правильно, Марфушенька, поздно уже, домой торопиться надо, — сказала девочка, ускоряя шаг. Ей уже совсем расхотелось идти к дубу и становиться русалкой. И обида за наказание растаяла так же быстро, как тает во рту бабушкино клубничное варенье. Она уже признавала, что не стоило рисовать номера поросяткам на спинках — они, как в мультике про зверей, которых посчитали, могли обидеться. Впрочем, об этом она уже и думать не думала — совсем другим была занята сейчас её голова.

«А не сказать ли мне бабушке, что это я нашла соседскую корову и домой привела? Вот тогда она точно похвалит, а тётя Лида шоколадку купит, или даже две», — думала девочка.

– Марфушенька, ты не будешь против, если я скажу, что это я тебя нашла? — спросила она. Корова была не против. Дорога тоже была не против. Ни одного камушка, ни единой ямочки не наблюдалось на ней сейчас. Широким и гладким полотном стелилась она под ноги припозднившимся путникам.

Татьяна
САВЕЛЬЕВА

* * *

Есть добрые люди, есть люди не
очень,
Несчастные есть, хитрецы...
Вот только оценку им дать так,
чтоб точно,
Способны лишь мудрецы.
А главный мудрец — это строгое
время.
Оно не имеет границ.
Оно и порадует, и взвалит бремя.
Пред ним мы и падаем ниц.
Я думаю, что оно ветром правит:
Где в спину, а где — в лицо.
Я думаю: оно губит и славит.
Оно — нашей жизни кольцо.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
ХРАМ

Фото **Александра КУЛЕШОВА**

Татьяна
ПОЖИЛЕНКОВА

* * *

Не все вопросы надо задавать,
Не все ответы хочется
услышать.
Молчи и даже перестань
дышать,
Проехали,
ну что ж, —
так вышло...
Не надо сразу говорить
«прощай»,
Да и прощать не стоит через
силу,
Но все-таки ты мне пообещай,
Что между нами все же что-то
было.

Лев
БАСКИН

ФОМА НЕВЕРУЮЩИЙ

Что я неправ, я убедился после,
Затронув ран затянутых места.
Я - Фома - единственный апостол,
В воскресенье не поверивший
Христа.
За маловереье на себя пеняю,
Сижу молчком в апостольском
кругу.
Дух побеждает плоть, я допускаю.
А чтобы смерть? Поверить не могу.
Но, сокрушая все сомненья,
Пройдя сквозь стену, коль
закрыта дверь,
Сказал Христос к нему удивлению:
«Фома, коснись меня и верь».